

УДК 94(4) "1941"

Монин С.М.*МГИМО (Университет) МИД России (г. Москва)***СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ (ИЮНЬ – ОКТЯБРЬ 1941 г.)**

Аннотация. Показан процесс становления военно-экономического сотрудничества между СССР и Великобританией в первые месяцы Великой Отечественной войны: от заявления британского премьер-министра У. Черчилля 22 июня 1941 г. о поддержке СССР до Московской конференции СССР, США и Великобритании 29 сентября – 1 октября 1941 г. о военных поставках в Советский Союз. Отмечается, что Англия даже раньше Соединенных Штатов распространила на СССР режим ленд-лиза. Рассматриваются пути поставок: конвоями через арктические моря или через «персидский коридор» (через занятую советскими и британскими войсками территорию Ирана).

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, Великобритания, ленд-лиз, арктические конвои, «персидский коридор».

Монин С.М.*MGIMO (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow***THE DEVELOPMENT OF THE USSR AND THE UK MILITARY
AND ECONOMIC COOPERATION (JUNE–OCTOBER 1941)**

Abstract. The article deals with the first steps of the USSR and the UK military and economic cooperation in the first months of the Great Patriotic war: starting from 22 June 1941 when the British Prime Minister Churchill inaugurated the policy of aiding the Soviet Union till the conference in Moscow (September 29 – October 1, 1941) where the USSR, the USA and the UK discussed the delivery of military supplies to the Russian front. The author states that the British government left behind the USA in doing it under the lend-lease terms. The article describes the delivery routes: the Arctic Convoys and the "Persian Corridor" (across the territory of Iran controlled by the Soviet and British troops).

Key words: the USSR, Great Britain, the Anglo-Soviet agreement of July 12, 1941, the Moscow conference of the USSR, the USA and the UK (September 29 – October 1, 1941), lend-lease, the Arctic Convoys, «the Persian Corridor».

В результате нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. радикально изменилась расстановка сил в мире. СССР и Великобритания, отношения между которыми в течение предыдущего года советский посол в Лондоне Майский

охарактеризовал как «холодно-враждебные» [4, с. 11], в одночасье стали союзниками. Хотя, казалось, ни история русско-английских связей, ни их состояние накануне и в начале Второй мировой войны этому никак не могли способствовать. Главной задачей советской дипломатии после начала

Великой Отечественной войны стало создание антигитлеровской коалиции. Трагическое положение на фронте, где Красная Армия отчаянно сопротивлялась, но вынуждена была с колоссальными потерями в людях и вооружениях отступать в глубь страны, требовало не только мобилизации всех сил своей страны, но также усилий по скорейшему получению военно-экономической помощи из-за рубежа. Главные надежды при этом Москва возлагала на Великобританию и США.

Между тем наладить отношения с новыми союзниками было очень непросто. Москве следовало многое поменять в своей политике и пропаганде, избавляясь от догматических представлений и предубеждений в отношении «буржуазных демократий». Надо было выправлять то зачастую неблагоприятное впечатление, которое на Западе произвели действия Москвы в начальный период Второй мировой войны, пусть даже они были направлены на обеспечение жизненно важных интересов Советского государства. Москве трудно было забыть роль англичан в срыве тройственных переговоров по созданию антигерманской коалиции весной-летом 1939 г., что толкнуло СССР на сближение с Берлином в надежде таким путем обеспечить свои интересы. Спасать своего официально-союзника Польшу британцы не стали, зато с готовностью собрались отправить войска в Финляндию во время «зимней войны», да еще и Баку бомбить намеревались. И все же критическое положение Советского Союза делало его более открытым к сотрудничеству, готовым принять поддержку от тех, кого еще недавно клеймили как «империалистов» и «поджигателей войны».

Со своей стороны, в Лондоне никак не могли успокоиться по поводу того, что СССР не дал втянуть себя в мировую войну в самом ее начале, а вот Англии воевать все-таки пришлось. Причем после падения Франции она фактически в одиночестве вынуждена была противостоять Гитлеру (и надо сказать, делала это с упорством, не склонив головы перед врагом). Позднее в своих мемуарах британский премьер Черчилль, говоря о роковом прочете Сталина относительно времени нападения Германии на Советский Союз, не скрывал злорадства, указывая на «ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов советского правительства... и ... поразительное незнание собственного положения». При этом британец вспоминал Немезиду – античную «богиню возмездия, которая разрушает всякое неумеренное счастье, обуздывает сопутствующую ему самонадеянность... и карает особо тяжкие преступления» [15, с. 173].

Однако жесткие реалии военного времени заставляли отбросить эмоции и исходить именно из складывавшейся на тот момент геополитической ситуации. Показательно, что уже 25 июня 1940 г., всего через три дня после капитуляции Франции, Черчилль отправил свое первое личное послание советскому руководителю Сталину, в котором подчеркивал желательность восстановления контактов между Лондоном и Москвой для обсуждения любой из проблем, «возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе... политику завоевания и поглощения» [14, с. 383-385]. Ответа в Лондоне, правда, не получили. В апреле 1941 г. Черчилль адресовал

Москве еще одно письмо с предостережением насчет германской опасности. Когда предчувствие грядущего столкновения Германии с СССР стало особенно сильным, Черчилль в послании президенту США Рузвельту от 15 июня заявил, что «если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер». В ответном письме глава Белого дома обещал, что при нападении немцев на Россию он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника» [15, с. 186-187].

Англичане сделали и первые подготовительные шаги. 21 июня находившийся в тот момент в Лондоне британский посол в СССР Криппс заявил советскому послу Майскому, что в случае нападения Германии на Советский Союз в Москву в срочном порядке будут отправлены английские военная и экономическая миссии и что «Британское правительство не допустит никакого промедления в оказании СССР... той помощи, на которую оно будет способно» [11, с. 513]. Намерение Великобритании и США поддержать СССР было не удивительным. При открытии Гитлером Восточного фронта отступала непосредственная угроза вторжения немцев на Британские острова, и шансы англичан на выживание резко повышались. 22 июня 1941 г. жители Туманного Альбиона действительно смогли вздохнуть с облегчением. Вечером этого дня премьер-министр Великобритании произнес по радио речь. Не преминув напомнить, что «за последние 25 лет не было более последо-

вательного противника коммунизма», чем он, Черчилль тем не менее подчеркнул: «Но все это бледнеет перед развернувшимся сейчас зрелищем... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем». Отметив привычку Гитлера уничтожать своих врагов поодиночке, британский премьер продолжил: «Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [11, с. 513-514].

Выступление Черчилля произвело сильное впечатление в стране и за ее пределами. Советский посол Майский записал в своем дневнике, что речь «с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР... Чрезвычайно важно было, что премьер ударил своей дубиной немедленно, не давши никому опомниться. Это сразу [за]дало тон – и здесь, и в Америке... По свидетельству многих, замешкайся Черчилль с[о] своим выступлением, протяни 2-3 дня – и антисоветские элементы в стране сумели бы внести немало смуты и разложения в общественное мнение». «Только недавно «Россия» считалась скрытым союзником Германии, чуть ли не врагом, – и вдруг на протяжении 24 час[ов] она стала другом! – продолжал Майский. Переход был слишком крут, и британская mentality [умонастроение, склад ума (англ.)] еще не

успела приспособиться к новому положению» [4, с. 7].

Была, впрочем, и другая сторона этого психологического «шока» – наступившая после него чрезмерная расслабленность, успокоенность многих англичан. Казалось, что опасность отступила и можно немного расслабиться. Однако надолго ли эта передышка? Сколько продержится Красная Армия против слывшего непобедимым вермахта? Может быть, не больше 4 – 6 недель, как считали в британском военном министерстве [4, с. 8]. Или все-таки подольше? И стоит ли в этом случае организовывать массивные поставки вооружения и другого военного имущества в СССР, если того и гляди, все это попадет в лапы к немцам? Если и помогать, то исключительно для того, чтобы СССР подольше сковывал Гитлера и не заключил с ним сепаратный мир. А еще лучше пусть два диктаторских режима истощают и ослабляют друг друга, и это будет лишь на пользу демократиям. Подобные эгоистические рассуждения имели распространение в британском истеблишменте и в широких общественных кругах, где привыкли неприязненно, а то и откровенно враждебно относиться к Советскому Союзу. Такие настроения не могли не сказываться и на реальной политике.

Конечно, и в британской политической элите были люди, прекрасно понимавшие значение Восточного фронта для судьбы их собственной страны и действительно стремившиеся помочь Красной Армии. В целом позитивно относился к укреплению сотрудничества с СССР министр иностранных дел Иден. Большую роль в организации поставок в СССР сыграл министр

снабжения лорд Бивербрук. Искренне переживал за неутешительное состояние дел в плане поддержки Советского Союза патриарх британской политики Ллойд Джордж. Встречавшийся с ним Майский записал в своем дневнике 16 августа, что тот «сильно ругал Черчилля» за то, что правительство «по существу не оказывает СССР никакой помощи. Как? Сейчас разыгрывается величайшая битва нынешней войны, величайшая битва в истории, битва, от исхода которой зависит исход войны, – а что делает Англия? Ничего не делает» [4, с. 32-33].

После 22 июня в поддержку Советского Союза оказалась настроенной и значительная часть широкой общественности. «Британский народ, – пишет известный английский историк и журналист Макс Хастингс, – с благоволением следивший за сопротивлением русских, воспринял Советский Союз как союзника с таким энтузиазмом, что привел в смятение и даже напугал свой правящий класс» [18, р. 181]. На фоне этой сложной палитры мнений в британском обществе, далеко не всегда благоприятных для Москвы, решительные заявления с Даунинг-стрит действительно имели огромное значение. Черчиллю и его единомышленникам в верхах, понимавшим необходимость оказания помощи СССР, важно было заручиться лояльностью общественного мнения в этом деле. Подмогой для них служило то, что из-за океана также последовали заверения президента Рузвельта о готовности Соединенных Штатов предоставить России всю возможную поддержку.

Заявления в Лондоне и Вашингтоне, таким образом, были сделаны, хотя и с определенными оговорками и без ка-

ких-либо конкретных обещаний. Москва приветствовала эти декларации западных лидеров. Председатель Совета народных комиссаров СССР Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. заявил: «Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г-на Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными» [2, с. 103].

В Москву 27 июня прибыли британские военная и экономическая миссии и возвратившийся вместе с ними из Лондона посол Криппс. В тот же день они были приняты наркомом иностранных дел СССР Молотовым. Криппс, в частности, заявил, что «в экономической области Англия может предоставить СССР необходимые материалы, которые у нее имеются и которые могут быть ввезены в СССР при существующих транспортных ограничениях». «Если понадобится, – продолжал британский посол, – то Англия постарается уговорить США, чтобы последние поступились дефицитными материалами в пользу СССР. Что касается промышленной продукции, то в этом отношении придется обратиться к США, так как промышленность Англии работает на свою оборону» [11, с. 49,51].

Переговоры в Москве и по военным, и по экономическим вопросам шли непросто. Так, для подготовки англо-советского соглашения о взаимных поставках, кредите и клиринге потребовалось более полутора месяцев, прежде чем 16 августа этот документ наконец-то был подписан. Нарком внешней торговли СССР Микоян, который вел переговоры с советской стороны, поначалу максимально поднял планку и попросил кредит на 100% поставляемых товаров. Англичан это не устроило, но в итоге сошлись на приемлемых для СССР условиях: 60% британских поставок шли в кредит, а 40% Москва оплачивала золотом или долларами. Начальная сумма кредита составляла 10 млн. фунтов. По величине процента сошлись на предложенных советскими представителями 3%, что было на 0,5% меньше выдвинутой британцами цифры. Советский Союз запросил 30-40 тыс. тонн алюминия. Англичане потребовали дать информацию о местонахождении алюминиевых заводов, о запасах и потреблении этого металла. Советский нарком, согласившись кое-что рассказать на этот счет «в порядке удовлетворения любопытства», выразил сомнение, что эти данные так уж необходимы Лондону для принятия решения о поставке алюминия в СССР. Гораздо важнее было то, что советские самолеты сбивают немецкие, которые при ином раскладе могли бы оказаться над Британией. Этот аргумент оказался убедительным [8, с. 164-165].

Переговоры о налаживании военного сотрудничества и организации заказов военных материалов проходили также и в Англии, куда была направлена советская военная миссия. Ее руко-

водителем стал заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Голиков, заместителем – контр-адмирал Харламов, до этого бывший начальником управления боевой подготовки Главного морского штаба ВМФ. 8 июля миссия прибыла в Лондон. Помимо переговоров об организации совместных действий против общего врага речь шла также о поставках военных материалов в СССР. С миссией встретился британский министр иностранных дел Иден. Основные переговоры проводились с высокопоставленными британскими военными. Однако порой приходилось сталкиваться с откровенно недоброжелательным отношением со стороны ряда собеседников. Так, по воспоминаниям адмирала Харламова, первая встреча с военным министром Моргенсоном прошла «в стоячку», «руки Моргенсон никому не подал. Сесть не предложил... Слушал рассеянно. А когда заговорил сам, то мы поняли, что имеем дело с ярым противником сотрудничества... Он вообще не видел смысла в англо-советском военном союзе» [13, с. 35]. Тем не менее работа по организации военных поставок в СССР продолжалась.

Советское руководство считало, что для придания прочности и эффективности создаваемому союзу двух государств следовало бы как можно скорее заключить политическое соглашение. Поначалу это не вызвало особого энтузиазма у английской стороны. Криппс неоднократно повторял, что в военной и экономической сферах Англия готова к развертыванию сотрудничества с СССР, а вот «для политического же соглашения время еще не созрело, так как накопилось немало

недоверия от прошлого...» [11, с. 48-51]. Не удивительно, что 8 июля, принимая британского посла, Сталин отметил, что «Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением». Между тем сотрудничество, о котором все время говорил посол, «немыслимо без соглашения» [11, с. 69]. Настойчивость советской стороны сделало свое дело. 12 июля было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, которое обязывало стороны взаимно «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода...» [11, с. 82]. Этот документ стал очень важным шагом в оформлении англо-советского военного союза и в обеспечении условий для развертывания военно-экономических связей двух стран.

Положительный импульс решению вопроса о военных поставках западных держав в СССР дал визит в Москву 29 июля – 1 августа Гопкинса, личного представителя президента США. Из своей поездки американский политик вынес твердое убеждение, что русские будут сражаться до конца и выстоят, несмотря ни на что. На состоявшейся 9-12 августа у берегов Канады встрече Рузвельта и Черчилля Гопкинс доложил об итогах своего визита в Москву. Лидеры США и Великобритании отправили Сталину совместное послание. Они заверили в том, что совместно работают над снабжением СССР максимальным количеством необходимых ему материалов. Чтобы можно было быстро принять решения по распределению ресурсов, было предложено провести трехстороннюю

конференцию в Москве. Появились первые реальные результаты налаживания советско-английских военно-экономических связей. Поначалу их масштабы были невелики. В июле из Великобритании и США в СССР было отправлено всего 27 576 тонн в основном невоенных материалов [3, с. 509]. Первая «ласточка» в союзнических поставках оружия в СССР – приход 1 августа в Архангельск английского минного заградителя «Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин. 21 августа из Исландии вышел и через 10 дней прибыл в Архангельск первый британский конвой из 7 судов с военными грузами под кодовым названием «Дервиш».

Как сообщил 26 июля Черчилль Сталину, Британское правительство приняло решение передать Советскому Союзу 200 истребителей «томагавк» из числа тех, что должны были быть получены из Соединенных Штатов. К поставке в СССР вскоре должны были быть подготовлены от двух до трех миллионов пар ботинок, а также большое количество каучука, олова, шерсти и шерстяной одежды, джута, свинца и шеллока [9, с. 22]. Через месяц Черчилль сообщил Сталину, что готов отправить еще 200 истребителей «Харрикейн». В ответном послании от 3 сентября советский руководитель выразил благодарность за это намерение «продать» Советскому Союзу еще одну партию истребителей, хотя и отметил, что они, будучи «пущены в дело не скоро и не сразу... не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте» [9, с. 28]. Полученное через три дня послание Черчилля, надо полагать, приятно удивило советское руководство. В своем письме британский

премьер обратил внимание на то, что Сталин употребил слово «продать» применительно к 200 «Харрикейнам». «Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали об уплате, – подчеркнул Черчилль. – Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе – аренде (о ленд-лизе – С.М.), то есть без формальных денежных расчетов» [9, с. 31].

Это было, безусловно, важным жестом в адрес Советского Союза, свидетельством того, что, категорически отказав своему союзнику в открытии второго фронта, в Лондоне все же понимали, что надо предпринять что-то существенное, чтобы не сгубить на корню нужный самим англичанам военный союз с Россией. В британской официальной истории Второй мировой войны отмечено, что положение России было настолько отчаянным, а значение для Великобритании ее сопротивления «столь велико, что стало необходимым как-то ободрить ее» [1, с. 125]. На основу ленд-лиза англичане решили перевести свои военно-экономические отношения с русским на два месяца раньше, чем это сделали американцы! Аналогичное решение в Вашингтоне было принято только 7 ноября 1941 г. Однако, как отмечается в отечественной научной литературе, на практике английские поставки на основе ленд-лиза стали осуществляться только в конце осени 1941 г. [3, с. 510].

С точки зрения Советского Союза, темпы и масштабы военных поставок из Великобритании были совершенно неудовлетворительны. Особенно, если оценивать их на фоне грандиоз-

ных сражений на советско-германском фронте и огромных потерь Красной Армии в вооружениях и других военных материалах. Посол Майский в беседе с министром иностранных дел Иденом 26 августа заявил: «...Фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем». «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей», – подчеркнул посол [11, с. 106]. Эти высказывания Майского, сделанные по его собственной инициативе, получили полное одобрение Москвы. В телеграмме послу от 30 августа Сталин писал: «По сути дела, Английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам». Те хотят бить своих противников поодиночке. «То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, нисколько не меняет дела». Думаю, отмечал советский руководитель, что англичане это понимают. «Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления» [11, с. 109].

Черчилль считал, что политика Москвы до 22 июня 1941 г. не давала советской стороне «никакого права упрекать нас» [15, с. 230]. Тем не менее на встрече с Майским 4 сентября он согласился с тем фактом, что Советский Союз ведет борьбу против Германии один, «лишь с маленькой поддержкой со стороны британской авиации и что весь расчет Гитлера построен на ликвидации своих врагов поодиночке». В заключение беседы британский премьер сказал советскому послу: «Не хочу вводить Вас в заблуждение: до зимы мы не

сможем оказать вам никакой серьезной помощи – ни путем создания второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия. Все, что мы можем вам сейчас дать, – это лишь капля в море» [11, с. 114-115]. При подготовке к предстоящей трехсторонней конференции по проблеме военных поставок в СССР настроения у англичан были противоречивыми. Как вспоминал Черчилль, «нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника – угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет». Военные ведомства «восприняли это так, как будто бы с них живьем сдирали шкуру» [15, с. 225]. В итоге было решено постараться обойтись прежде всего за счет американских ресурсов и не скупиться на обещания, чтобы поддержать решимость русских сражаться.

С 29 сентября по 1 октября в Москве проходила конференция трех держав по вопросам военно-экономического сотрудничества. Делегацию СССР возглавлял нарком иностранных дел В.М. Молотов, Великобритании – министр снабжения Бивербрук, США – представитель президента Гарриман. Участников конференции дважды принял Сталин. Подробно обсуждались потребности советской стороны в получении самых разных военных материалов и возможности англосаксов по их поставке в Советский Союз. В итоге трехдневных переговоров был подписан протокол, согласно которому западные державы обязались отправлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 г. по конец июня

1942 г. ежемесячно 400 самолетов (100 бомбардировщиков и 300 истребителей), 500 танков (не более 50 % малых), сотни зенитных и противотанковых орудий, разведывательные автомобили, а также алюминий, олово, свинец, никель, медь, сталь и другие металлы и сплавы, порох, промышленное оборудование, продовольствие и др. [2, с. 332-350]. Московская конференция, безусловно, стала важнейшей вехой на пути создания антигитлеровской коалиции и особенно оформления и развертывания военно-экономического сотрудничества трех держав. При всех возможных нюансах в трактовке самих переговоров и подписанных документов обязательства сторон приобрели конкретный, юридически зафиксированный вид. Готовность СССР, Великобритании и США объединить свои ресурсы для борьбы против общей опасности придавало решениям Московской конференции особую значимость.

Однако договориться по объему, номенклатуре, срокам поставок – это еще не все. Надо с минимальными потерями доставить все грузы в страну-получатель помощи. А здесь возникали трудные проблемы и опасные препятствия. Самый короткий путь для поставки грузов из Великобритании в Советский Союз лежал через северную Атлантику в Мурманск и Архангельск (в 1941 г. в основном именно последний принимал иностранные суда). Конвои формировались в портах Великобритании и Исландии (после захвата Дании нацистами в находившейся с ней в личной унии Исландии высадились английские войска, которых затем сменили американцы). За 10-14 суток караваны

доходили до северных советских портов. Боевое охранение обеспечивал британский флот, а при подходе к советским берегам подключались также силы советского Северного флота. Задача осложнялась тем, что маршрут проходил в крайне сложных природно-климатических условиях.

В 1941 г. союзникам повезло в том смысле, что их караваны практически не встречали серьезного противодействия со стороны противника. Гитлер был уверен в скорой победе над СССР. Ему казалось, что Мурманск вот-вот падет, а Архангельск зимой сам замерзнет, так что везти грузы северным путем будет просто некуда. Однако когда стало ясно, что война затягивается, а союзные караваны идут и идут, нацисты стали перебрасывать на север Норвегии и Финляндии свои морские и воздушные силы. Апогей боевых действий в Арктике придется уже на 1942 г. Пока же в сентябре – октябре в советские порты благополучно пришли два каравана и два ушли обратным курсом. До конца года также без потерь проследовали еще четыре «туда» и два «обратно». Всего за 1941 г. в Архангельск было проведено семь союзных караванов составе 52 судов. Они доставили 699 самолетов, 466 танков, 330 танкеток и другие военные материалы. В обратную сторону к британским берегам ушло 45 транспортов со 136 тыс. тонн леса, руды и химикатов [12, с. 48]. В обеспечении безопасности союзных конвоев и в обороне Кольского полуострова свою роль сыграли базировавшиеся осенью 1941 г. на советской территории английские летчики (авиационное крыло из двух эскадрилий) и моряки (несколько подлодок и тральщиков).

В 1941 г. сложились условия для появления еще одного маршрута поставок (см., например, [5-6; 10; 16-17]). Он будет называться «южный» или «трансиранский» или «персидский коридор». Как выразился один иранский дипломат, через Иран и Каспий, используя Трансиранскую железную дорогу, можно было организовать «безопасный черный ход» для поставок в Россию [7, с. 92]. Однако «безопасность» этого «хода» не была бы обеспечена, если бы не события весны – лета 1941 г.: силовые действия англичан в Ираке, Сирии и Ливане и совместная англо-советская военная акция в Иране. В апреле в Ираке к власти пришло прогерманское правительство, которое обратилось к Берлину за военной помощью и атаковало британские войска, размещенные в этой стране на основе англо-иракского договора. Но англичане действовали энергично, разбили иракскую армию и 31 мая были уже в Багдаде.

Между тем через Сирию, где у власти (как и в Ливане) была вишистская администрация, в Ирак стали прибывать германские и итальянские самолеты. Они доставляли военные грузы для антибританских сил и вступали в воздушные бои с английской авиацией. Если бы странам Оси удалось закрепиться в Сирии и Ираке, то это резко изменило бы ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. Но собрать достаточные для этого силы Третьему рейху не удалось. Германская армия заканчивала свои операции на Балканах (бои за Крит), а главное – завершалось сосредоточение войск для нападения на СССР. 8 июня британские войска и силы Свободной Франции начали наступление в Сирии и Ливане. Сломив

ожесточенное сопротивление вишистов, к 12 июля они взяли под свой контроль обе страны.

Еще не закончилась сирийская кампания, как англичане задумались о судьбе Ирана с его столь нужной нефтью. Но в этой стране исторически их интересы пересекались с русскими. Лондону надо было трижды подумать, прежде чем в одиночку решиться на какую-либо акцию в Иране. У Советской России с Тегераном с 1921 г. существовал договор, по которому в случае возникновения угрозы ее безопасности с территории Ирана она могла ввести туда свои войска. Положение осложнялось тем, что с 1930-х гг. на иранскую сцену вышел новый игрок – гитлеровская Германия, которая очень энергично теснила старых конкурентов. Ходили разговоры о возможности профашистского переворота в Тегеране. После 22 июня 1941 г., когда стратегическая ситуация изменилась, Москва и Лондон очень быстро нашли общий язык в отношении Ирана. Черчилль писал на этот счет Сталину: «По поводу Персии. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток; и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну» [9, с. 40]. Такая позиция была понятна Сталину. Эти важнейшие в тот момент вопросы создали прочную общую основу для действий двух стран, хотя при этом каждая из них не забывала и о других своих интересах в регионе.

Активное обсуждение иранских дел по дипломатическим каналам началось уже 22 июня. Первый заместитель наркома иностранных дел Вышинский принял в этот день временного по-

веренного в делах Великобритании в СССР Баггалея. Британский дипломат заявил о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив. 27 июня на встрече Молотова с Криппсом говорилось о желательности «общей политической линии» обоих правительств в отношении Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока и о необходимости предотвратить проникновение Германии в этот регион [2, с. 14, 48]. Хотя с Ираном пока не было никаких договоренностей относительно использования его транспортной инфраструктуры, но русские и англичане говорили о «персидском коридоре» как об уже решенном вопросе. 28 июня Микоян с конкретными цифрами обсуждал с британским послом и его сотрудниками пропускную способность Транс-иранской железной дороги, иранских шоссе и дорог и портов, а также возможности наращивания поставок [2, с. 61].

Сталин неоднократно поднимал вопрос об Иране в беседах с Криппсом. На встрече 8 июля говорилось о необходимости демарша в Тегеране с требованием удалить германскую «пятую колонну» из Ирана. 10 июля собеседники сошлись во мнении, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. О том же говорили Черчилль и Майский [2, с. 122-123, 132 и др.]. В Тегеране с удовлетворением воспринимали заявления о намерении СССР обеспечить на своей территории перевозки для Ирана, в том числе вооружения. Но в ответ шахское правительство заявляло, что оно готово оказать всяческое содействие транзиту через Иран советских грузов, но ни в коем случае не

оружия [2, с. 86-87, 116, 227]. Без этого, однако, «персидский коридор» терял свое значение для русских и англичан. Союзники не нашли общего языка с Тегераном и по поводу активности в стране прогерманских, профашистских сил. Советское правительство отдельно или вместе с британским трижды обращалось к Тегерану с нотами, в которых указывало на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны.

Иранская сторона всячески уклонялась от выполнения требований Москвы и Лондона, ссылаясь на то, что они носят ультимативный характер, ущемляют суверенитет Ирана и нарушают проводимую им политику строгого нейтралитета. Реза-шах и его окружение, видимо, исходило из того, что Германия скоро разгромит Советский Союз. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», – докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране Смирнов [2, с. 227]. Сложившаяся ситуация предопределила проведение военной акции со стороны союзников. Их более не удовлетворяли словесные заверения иранцев. В условиях смертельной схватки с державами Оси вопрос о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне отходил на второй план. Черчилль в этой связи лишь подчеркнул, что Англия и Россия боролись за свою жизнь. «*Inter arma silent leges*» («когда говорит оружие, законы молчат»), написал он в своих мемуарах [15, с. 246]. Советский Союз действовал на основе договора 1921 г., дававшего ему право при угрозе своей безопасности вводить в Иран войска.

Утром 25 августа 1941 г. от имени правительств СССР и Великобритании шахскому правительству были вручены ноты с объяснением причин, побудивших их ввести свои войска на территорию Ирана [2, с. 256-260]. С советской стороны в иранской экспедиции с 25 августа участвовали 44-я и 47-я армии Закавказского фронта (командующий – генерал-лейтенант Козлов, начальник штаба – генерал-майор Толбухин). 27 августа со стороны Туркмении в наступление перешла 53-я армия. Советские войска быстро продвигались в глубь страны. Активно действовали авиация и Каспийская военная флотилия. Одновременно с советскими со стороны Ирака двинулись в наступление англо-индийские войска. Они заняли юго-западные территории и порты в Персидском заливе. 29 августа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. Столица пока оставалась незанятой. 27 августа в Тегеране сменилось правительство. Иранская армия получила приказ не оказывать сопротивление. Его, впрочем, практически и не было, не считая мелких стычек. 29 августа иранские войска сложили оружие перед англичанами, а на следующий день – перед Красной Армией.

СССР, Великобритания и Иран 8 сентября заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войска в Иране. Иранские власти, однако, тянули с выполнением требований союзников по высылке немцев и их агентуры. Продолжалась прогерманская пропаганда. В этих условиях было решено двинуть союзные войска к Тегерану. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда

Реза Пехлеви. На следующий день советские и британские войска вошли в Тегеран. Официальные отношения Ирана с державами Оси были разорваны, а их представители высланы из страны. Ввод советских и британских войска в Иран стал первой совместной военно-политической акцией только что ставших союзниками СССР и Великобритании. Наряду с начавшимися в это же время военными поставками в Советский Союз это стало зримым свидетельством складывания антигитлеровской коалиции, перехода союзников к реальным, конкретным делам.

Были достигнуты важнейшие цели союзников. Исчезла угроза превращения Ирана во враждебное союзникам государство – плацдарм для германской агрессии на Среднем Востоке. Германская агентура в основном была ликвидирована или загнана в глубокое подполье. СССР и Великобритания резко укрепили свои позиции в регионе и могли теперь сосредоточиться на решении здесь других своих задач. Прежде всего предстояло наладить поставки грузов по ленд-лизу в Советский Союз через Иран. Это была перспективная, масштабная задача, которая сохраняла свою чрезвычайную важность практически до конца войны. Но чтобы обустроить транспортный “персидский коридор”, следовало коренным образом реконструировать транспортную инфраструктуру Ирана. В августе 1941 г. по иранскому маршруту можно было перебрасывать всего 10 тысяч тонн грузов в месяц. По Трансиранской железной дороге в каждую сторону могло пройти всего по 2 состава в сутки. Расширять надо было порты в Персидском заливе и на Каспии.

Решение этой многосложной проблемы сразу взяли на себя англичане. Черчилль в своих посланиях Сталину постоянно подчеркивал, что он придавал решению этой задачи первостепенное значение. В письме, полученном в Москве 30 августа, говорилось: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить ее бесперебойную работу, используя дополнительную железнодорожное оборудование, доставляемое из Индии». Британский премьер писал также об открытии сквозного пути «не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями» [9, с. 27, 31, 33-34].

В конечном счете за всю войну «персидский коридор» обеспечил перевозку в СССР 23,8% грузов по ленд-лизу, уступив в этом отношении только тихоокеанскому маршруту (47,1%) и обойдя арктический путь (22,6%). Конечно, успех первой совместной советско-британской операции не означал, что между союзниками не было никаких противоречий и трений, пусть даже скрытых за внешней дипломатической вежливостью. Это столкновение интересов проявилось, когда, например, осенью 1941 г. Лондон стал поднимать вопрос о том, что английские войска могли бы заменить советские в Иране или даже быть отправлены на Кавказ

(но никак не на советско-германский фронт). Советская сторона отклонила эти предложения. «Персидский коридор» функционировал только для ленд-лизовских поставок, но не для переброски британских войск. Так, шаг за шагом, преодолевая трудности, противоречия и разногласия, СССР и Великобритания налаживали свое военно-экономическое сотрудничество. Но впереди был еще долгий и тяжелый путь к Великой Победе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Батлер Д., Гуайер Д. Большая стратегия [Т. 3]: июль 1941-август 1942. М.: Воениздат, 1967. 567 с.
2. Документы внешней политики [Т. 24]: 22 июня 1941 - 1 января 1942 / МИД РФ. М.: Международные отношения, 2000. 632 с.
3. Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества: 1938–1945 гг. М.: Собрание, 2007. 680 с.
4. Майский И.М. Дневник дипломата (Лондон, 1934-1943): в 2-х кн. [Кн. 2, ч. 2. 22 июня 1941–1943]. М.: Наука, 2009. 298 с.
5. Матишов Г.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко и др. Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
6. Монин С.М. «Немцы назначили адмирала... на Каспийское море»: к вопросу об обеспечении ленд-лизовского транзита через Иран и Каспий в 1941–1942 годах // Великая Победа [Т. 11]: сражения за Москву и Сталинград. М.: МГИМО, 2013. С. 193-214.
7. Оришев А.Б. В августе 1941. М.: Вече, 2011. 320 с.
8. Павлов М.Ю. Анастас Микоян: политический портрет на фоне советской эпохи. М.: Международные отношения, 2010. 432 с.
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США

- и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. [Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли, июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.] / 2-е. изд. М.: Политиздат, 1986. 472 с.
10. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Экономическая газета, 2012. 440 с.
11. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: документы и материалы в 2-х т. [Т. 1. 1941–1943]. М.: Политиздат, 1983. 542 с.
12. Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.
13. Харламов Н.М. Трудная миссия. М.: Воениздат, 1983. 224 с.
14. Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 1. Т. 1-2. М., 2010. 592.
15. Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 2. Т. 3-4. М., 2010. 671.
16. Юнгблюд В.Т., Чучкалов А.В. Политика США в Иране в годы второй мировой войны. Киров: ВятГГУ, 2011. 414 с.
17. Coakley R.W. The Persian Corridor as a Route for Aid to the USSR // Command Decisions. Washington: United States Army Center of Military History, 2000. P. 225-255.
18. Hastings Max. All Hell Let Loose: The World at War, 1939-1945. London: Harper Press, 2011. 748 p.